

История посёлка Федотовка.

Работа выполнена Газизовой Любовью Владимировной
(в девичестве – Конёва), жительницей посёлка Вижай.

*(Буду рада любой дополнительной информации о судьбах жителей
Федотовки – электронная почта - gasisowa@mail.ru)*

Работа написана по достоверным источникам (летопись семьи Рожиных) - жителей посёлка от начала его существования и до полного его распада.

Цель работы: донесение исторических фактов и условий жизни людей в посёлке Федотовка .

Задачи:

- изучить документы, связанные с историей появления посёлка Федотовка, как поселения «спецпереселенцев»;
- пополнить фонд Горнозаводского краеведческого музея им. М.П.Старостина г.Горнозаводска исследованием о судьбах репрессированных, проживающих в Федотовке.

Предмет исследования: жизнь людей в посёлке Федотовка.

Хронологические рамки: с 1926 по конец 50-х годов.

Источники исследования: Семейная летопись семьи Рожиных, архивные документы семьи Нелиных, материалы газеты «Совет».

Практическая значимость работы: определяется возможностью её использования на уроках истории, в работе краеведческих кружков. Пополнение краеведческих материалов городского музея о жизни посёлка Федотовка.

В итоге работы над темой были сделаны выводы:

1. Судьбы многих моих земляков (соседей, одноклассников и их родителей) связана с политическими репрессиями, которые оказали значительное влияние на жизнь этих людей.
2. Вместе с родителями пострадали и дети, которые наравне со взрослыми переносили голод и холод, невзгоды и тяжёлый труд.
3. Необходимо сохранить память о тех людях, которые пострадали в годы репрессий.

В дальнейшем исследовательская работа будет продолжена.

Через Федотовку проходил Колчак. Направлялись они из Бисера в Кусье-Александровский. Старожилы поговаривали, что в окрестных болотах Колчаковцы потопили много вооружения, в т.ч. и пушки. Место там очень красивое.

Воспоминания Долматова Виталия Васильевича

1929 г.р.

Записаны Бадардиновой Ф.М. 2020г.

Координаты: 58,70087,58.36271

Месторасположение: Чусовской район, Молотовской области (ныне – Горнозаводский район, Пермского края. [6]

В 1926 году - Административно территориальное деление Уральская обл. Чусовской район по переписи населения на Федотовском кордоне числилось 15 человек.

1926 год Федотовский кордон.

Названия: 1. Районов. 2. Сельсоветов. 3. Населенных пунктов (в скобках — названия: национальные, прежние, и местные)	По данным переписи 1926 года								К какой во- лости при- надлежал населенный пункт в 1916 году
	Число хозяйств	Население			Национальность				
		Муж. пола	Жен. пола	Обоего пола	Преобладающ.		Вторая		
					Название	Населен.	Название	Населен.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
16. Петровское, печи	1	5	7	12	русск.	12	—	—	Кусье-Алексан
17. Рассольная, д.	12	28	26	54	»	54	—	—	»
18. Третий Тырым, кор.	10	15	6	21	»	14	татары	7	»
19. Троицкий, рудн.	1	5	2	7	»	7	—	—	»
20. Федотовский. кор.	3	8	7	15	»	15	—	—	»
21. Усть-Койва, д.	13	28	28	56	»	56	—	—	»
22. Усть-Койвинский, кор.	8	18	16	34	»	34	—	—	»
23. Усть-Тырым, пос.	2	1	7	8	»	8	—	—	»
24. Чизма, д.	23	71	65	136	»	136	—	—	»
25. Чизма, раб. барак	20	21	1	22	»	20	татары	2	»

[4]

Никто и не знал тогда, что эта земля станет пристанищем для многих невинных людей со всей России.

Глава . 1931 год

26 марта 1931 года всех арестованных посадили в товарные вагоны, оборудованные двухъярусными дощатыми нарами. В каждом вагоне разместилось до полусотни человек. Вечером узники выехали из Шарьи, навсегда покидая родные места. На другой день поезд прибыл в Вятку, где эшелон пополнили местными «преступниками», и уже полностью сформированный, он отправился дальше, на восток. В дороге люди постепенно познакомились, разговорились. Тут были семь большие, многодетные.

К примеру, семья Череповых из Поназырева состояла из восьми человек: Михаил Андреевич с женой Марией Фёдоровной, четыре их дочери в возрасте от трёх до двенадцати лет, да ещё семидесятилетний отец Андрей Иванович с женой Елизаветой Егоровной. Из тех же мест были Макар и Матрёна Воронцовы с детьми Марфой и Толей. Была семья Морозовых из-под Мантурова – Макар Павлович с женой и трое их сыновей: Василий, Алексей и Александр. Ехал в вагоне и весёлый мужичок - балагур Пехтерев. Он рассказывал прибаутки, пел нескромные частушки, подбадривал людей: «Чего горевать, мужики – не разутые, в лаптях едем, а остальное наживём!»

В Перми эшелон сделал остановку, и здесь, впервые за всю дорогу узников покормили горячим обедом. Принесли в вёдрах мясной суп, пшеничную кашу, дали белый хлеб. Этот обед надолго запомнился измученным людям. Особенно поразил их белый хлеб. Дома крестьяне пекли только ржаной хлеб, белого никогда не ели.

Ночью поезд остановился на станции Пашия. Эшелон поставили на запасной путь, и, несмотря на поздний час, в вагоны вошли представители местной власти. Людям приказали сдать все имеющиеся документы, деньги и ценные вещи. Затем всех вывели из вагона и оставили стоять под открытым небом до рассвета.

Утром подошли конные повозки-сани с чёрными угольными коробами. В эти короба посадили малых детей и немощных старух. Остальных повели пешком. Половину узников направили в сторону завода Пашии, остальных в сторону Кусьи. Впереди и позади колонны ехали охранники.

К полудню пришли в посёлок Кусью, расположенный на берегу реки Койвы. Местные жители с удивлением разглядывали необычный этап, состоящий большей частью из детей, женщин и стариков. Усталые, плохо одетые, эти горемыки меньше всего походили на тех толстопузых кровопийц – кулаков, какими их изображали тогда во всех газетах и плакатах. Людей завели в пустующий барак, принесли хлеб, кипяток и дали немного отдохнуть.

После перерыва унылая процессия продолжала свой путь. Теперь людей повели вверх по течению реки Койвы, где по льду была проложена санная дорога. Иногда на пути попадались селения, состоящие из отдельных барачков. Их называли здесь кордонами, и служили они жилищами для сезонных рабочих – лесорубов.

Лес заготавливали для весеннего сплава или тут же на местах пережигали на древесный уголь, который возили на металлургические заводы в посёлки Бисер и Пашию. Каждый кордон имел своё название: Калистратовка, Вороновка, Серебрянка, Усть-Тырым, Коровья речка, Федотовка, Урайка. По пути несколько семей расселили на этих кордонах. К вечеру колонну привели на кордон Федотовка. Здесь, на берегу стояли два приземистых длинных барака и дом куренщика (бригадира по лесозаготовкам). В этих бараках и разместили людей. По обоим сторонам вдоль стен располагались сплошные нары, посередине стояли железная печь и стол. Места на нарах всем не хватало, спать приходилось в ужасной тесноте, вплотную друг к другу. Невозможно было повернуться на другой бок. Кое-как разместились и на полу, и под столом.

На следующий день из Кусьи приехали местные руководители – из комендатуры, из Леспромхоза, из Сельского Совета. Комендант объявил, что отныне крестьяне-кулаки будут именоваться спецпереселенцами, и ознакомил их

с правами и обязанностями. Впрочем, прав никаких не было, а основной обязанностью являлась работа на лесозаготовках. Ежедневная норма заготовки дров составляла – четыре кубометра на человека. В зависимости от выполнения нормы будут выдаваться и продукты питания, в пересчёте на заработанный рубль. Пять процентов из заработка будут отчислять на содержание комендатуры. Всех ссыльных переписали согласно спискам, распределили на работу, включая женщин и подростков. Выдали по норме хлеба на неделю вперёд.[1]

1930-1940-е – спецпоселок; на спецпоселении находились раскулаченные крестьяне [5]

1 апреля 1931 года началась трудовая деятельность Федотовской колонии. В этом первом эшелоне прибыли крестьяне из северных губерний: Костромской, Нижегородской, Вятской. Они были привычны к суровому климату, и к тяжёлой работе, повидали всякую нужду. И здесь без лишних разговоров принялись за работу. Пилили вручную деревья, отрубали сучья, свозили брёвна волоком к берегу и складывали в штабеля. Когда лёд на реке растаял, брёвна сталкивали в воду и сплавляли вниз по течению. Принимали работудесятники – из местных жителей, а старшим был назначен Губин.

В середине апреля комендант направил группу мужчин на разработку трассы для высоковольтной линии между посёлками Бисер и тёплая Гора. В бригаду вошли Иван и Александр Рожины, братья Морозовы, Александр Смирнов, Михаил Черепов, Василий Береснев, Михаил Шабалин и другие. Пришли в лаптях по льду на кордон Девятая верста, где их поселили в барак, выдали на неделю хлеба – по килограмму на день и распределили на работу. Пилили лес с корнями, обрубали сучья, складывали в кучки и потом все порубочные остатки, кустарник и ивняк сжигали. Работу весьма затруднял глубокий снег, доходивший местами до пояса. Через месяц эту тяжёлую работу закончили, и мужиков отправили обратно на Федотовку.

Сплав леса в это время уже закончился, и начальство дало распоряжение начинать строительство жилых домов для спецпереселенцев. Это было весьма кстати, так как жизнь в бараках становилась всё более невыносимой: на общих нарах теснота, грязь, галдёж. От скученности, духоты, грязи и недоедания начались болезни, особенно среди детей.

Бытовые условия были очень тяжёлыми – негде было ни помыться, ни постирать одежду. По вечерам возле печки развешивали сушить мокрую одежду, носки, портянки, сушили обувь, рукавицы. От испарений, а также от большого скопления людей в бараке постоянно стоял тяжёлый, спёртый воздух. Поэтому известие о строительстве жилых домов вызвало живой интерес.[1]

[3]

Глава . Строительство посёлка.

В мае 1931 года началось строительство посёлка Федотовка. Было организовано около десяти строительных бригад по шесть человек в каждой. Одни корчевали лес и расширяли площадки для домов, другие заготавливали брёвна, третьи рубили венцы. Из Кусьи привели несколько лошадей, и брёвна к месту строительства подвозили на них. Семь пар мужиков пилили продольной пилой брёвна на доски. Бригада плотников заготавливала дверные и оконные переплёты, рамы и двери. Дома строили на две половины, с двумя отдельными входами.

Тут были умельцы всех специальностей. Вятский мужик, печник и гончар Широков складывал с помощниками большие русские печи. Сами же печники изготавливали кирпич: месили глину с песком, утрамбовывали в специальные формы и обжигали. Способ был довольно примитивный, изготовление шло медленно, и кирпича не доставало. Поэтому основание печи делали глинобитное. Устанавливали обрешётку, заполняли её глиной с песком, плотно утрамбовывали. Потом обрешётку убирали, а верхнюю часть и трубу складывали из кирпича. Позднее тот же гончар Широков изготавливал для поселенцев разнообразную глиняную посуду – плошки, горшки, кринки, бокалы, миски. Эта посуда служила людям долгие годы.

В строительных работах участвовали и женщины, и молодые девушки: очищали деревья от сучьев и коры, копали ямы под фундамент, месили глину с песком. Бригада пожилых женщин и девочек подростков ежедневно ходила в лес драть мох для прокладки брёвен.

Скоро первые два дома подвели под крышу. Однако тёсу и пиломатериалов не хватало, и крышу покрыть было нечем.

Тогда Иван Рожин и Александр Смирнов предложили начальнику построить драночный станок и заготовить дранки для покрытия крыш. У них на родине этот способ был весьма распространён. Начальник отнёсся к этой затее с недоверием, но разрешил, так как выхода другого не было. За десять дней друзья смастерили станок и за один день они заготовили столько дранки, что хватило покрыть крышу одного дома.

Обоим «изобретателям» дали премию и направили на другие участки делиться опытом. Работа была не сложная: по кругу ходила лошадь, крутила станок, и надо было только успевать подставлять чурки определённого размера, да убирать готовую дранку.

За время строительства многие поселенцы проявляли смекалку, умение. Самых толковых и грамотных мужиков начальство стало назначать бригадами, десятниками. Энергичный и деловой Михаил Андреевич Черепов был назначен десятником, Александр Фёдорович Смирнов – бригадиром.

За месяц первая бригада построила двухквартирный бревенчатый дом, и сразу же в него вселились семьи строителей – в одну половину Барышниковы, Белые, Смирновы, Рожины, в другую Шабалины, Хаустовы, Морозовы. Набралось около тридцати человек, было довольно тесно, однако всё-таки лучше, чем на общих нарах в бараке. Здесь каждая семья занимала отдельный угол. В заселённом доме ещё продолжались отделочные работы, вставляли окна, навешивали двери. По вечерам мужики мастерили немудреную мебель – столы, лавки, табуретки.

Одновременно закончилось строительство соседнего дома, в который заселились семьи Череповых, Воронцовых, Пехтеревых, Голубевых.

Посёлок строили на склоне, вдоль небольшой речки Федотовки. Была расчищена улица, по обеим сторонам которой и строили дома. Место было выбрано удачно – со всех сторон возвышались горы, а внизу протекала река Койва. За лето построили более десятка жилых домов, а также несколько общественных зданий: магазин, столовую, пекарню, контору, склад. Постепенно большинство семей переселись в отдельные дома.

Баракы, между тем, не пустовали. Этим же летом привезли ещё эшелон ссыльных крестьян, на этот раз из южных областей – кубанцев и ставропольцев.

Летом поселенцам жилось сравнительно легче. По пригоркам собирали ягоды – землянику, малину, смородину, искали съедобную зелень. В лесу появились грибы. Потом поспела смородина, рябина, черёмуха. В жаркие дни дети целыми днями проводили на реке, ловили рыбу и купались. Да и взрослые после работы шли на реку искупаться, смыть грязь и пот.

С наступлением зимы строительство домов прекратилось, рабочих перевели на лесозаготовки. Несколько молодых парней, в том числе и братья Рожины, были посланы в посёлок Кусью на курсы бригадиров. Обучались они там с 14 октября по 20 ноября 1931 года. Вернувшись, стали работать бригадами на заготовке дров.

В бригадах было много женщин, для которых работа в лесу оказалась непосильной. Норму не выполняли. К тому же, непривычные к сибирским морозам, люди страдали от холода и часто болели. Производительность труда была низкой – вместо четырёх кубометров на человека нарубали всего два. А хлеб

и продукты выдавали из расчёта на заработанный рубль, и выходило ничтожно мало. Постепенно от недоедания и холода люди стали заболевать, многие умерли. На пригорке за речкой Федотовкой образовалось кладбище, где одна за другой появлялись могилы с простыми деревянными крестами.

Глава . 1932 год.

Зима 1931-1932 года была для поселенцев очень тяжёлой. Норму хлеба уменьшили, и его не хватало, а других продуктов давали совсем мало. Отсутствие витаминов привело к заболеванию цингой. У людей кровоточили дёсны, расшатывались и выпадали зубы, на теле появлялась сыпь, болели ноги, постоянно ощущалась слабость, вялость, люди падали на ходу.

Во время заготовки леса Иван Рожин повредил ногу, упало бревно. Фельдшер Иван Иванович Попов, тоже из ссыльных, не решался дать сразу освобождение от работы, а лекарств не было.

20 мая 1932 года Ивана отправили вниз по Койве до Кусьи, а там на телеге довели до больницы. Отношение к спецпереселенцам в больнице было пренебрежительное. В присутствии брата Шуры и сестры Натальи Иван тихо скончался 5 июня 1932 года. Было ему 28 лет. Верный друг его Александр Смирнов и брат Шура выкопали могилу на Кусьинском кладбище и 6 июля Ивана похоронили.

Никто не считал сколько их захоронено, невинных, замученных страдальцев в безвестных Уральских и Сибирских могилах. Одни умирали на поселениях от голода и болезней, другие уходили, куда глаза глядят и погибали в пути. Третьих задерживали на станциях, отправляли в тюрьмы и лагеря, где их тоже ожидала мучительная смерть.

Прожив страшную зиму, федотовские поселенцы тоже стали убегать. В посёлке их никто не охранял, и уйти незамеченными было несложно. Тем не менее, бежать было рискованно, так как места вокруг были глухие и безлюдные. Старались добраться до железнодорожной станции, но там их часто задерживали, так как у них не было документов. Их сажали в тюрьмы или отправляли обратно на поселение. Не которым удавалось устроиться на работу на ближайших заводах. В Чусовском районе имелось немало промышленных предприятий. Здесь находилось несколько металлургических заводов, ещё демидовских времён, построенных в прошлом веке: Пашийский цементно-металлургический завод, Бисерский металлургический, Теплогорский литейно-механический, Чусовской металлургический, а также шахта «Рудная», где велась добыча хромитов и Сарановский рудник с месторождением уваровита и других ценных металлов.

На этих предприятиях постоянно не хватало рабочих, поэтому беглых крестьян нередко принимали на работу и без документов. Тем более, что они не отказывались от любой, самой тяжёлой работы. Убегали с поселений не от работы, а от голода и унижений. Этим летом ушли с Федотовки Александр Смирнов, Алексей Морозов, Пехтеревы, Голубевы, Воронцовы и ещё многие, многие другие.

Несмотря на людские потери, на нищенство и болезни, работа в посёлке продолжалась. На смену погибшим привозили эшелоны новых поселенцев. Те же долго не выдерживали – убегали, погибали. Особенно тяжело было уроженцам

южных областей. Непривычные к холоду, они постоянно обмораживались, простужались, иногда замерзали. Зимы на Урале бывают суровые – тридцатиградусные морозы являются обычными для тех мест. Работу в любой мороз не отменяли. Поэтому зимой и ближе к весне, ослабленные плохим питанием люди умирали так часто, что их едва успевали хоронить. Особенно велика была детская смертность. Бессчётное количество людей прошло в тридцатые годы через этот глухой уральский посёлок.

В сентябре 1932 года несколько бригад послали на прорыв в завод Пашию. Там не хватало топлива для домны, и завод находился под угрозой остановки. В одной из бригад по заготовке дров работали Александр Рожин и Василий Морозов. В четырёх километрах от завода они рубили лес, вывозили его к реке Вижай и сплавливали к месту переработки. Там, в специальных печах, дрова пережигали на древесный уголь и отправляли вагонетками на завод. Остановка домны была предотвращена.

За ударную работу дирекция завода премировала лучших работников. Александр получил премию в виде пяти метров мануфактуры – сатина. Это считалось ценным подарком, так как купить ткань было нигде, да и денег у людей не было. За лето в посёлке построили ещё несколько домов и семьи первых переселенцев расселились по отдельным квартирам, то есть каждая семья занимала половину дома.

Александр Рожин с матерью тоже занимали теперь половину дома. В другой половине жил Шабалин Максим Трофимович с женой и дочерью. Морозовы переселились в дом напротив. Чуть подальше жили Череповы. Вторую половину их дома занимал комендант Молоков Николай Алексеевич с семьёй. Молоковы имели корову, огород, хозяйство. Разрабатывали огород, заготавливали сено для них, конечно, ссыльные крестьяне. Поселенцы тоже разрабатывали для себя приусадебные участки, сажали картофель, кое-какие овощи, обзаводились немудрённым хозяйством. За работу в лесу им стали выдавать деньги, на которые можно было купить у кусынских и бисерских жителей немного картошки и лука на посадку.

Осенью, как только замёрзла река по санному пути к поселенцам стали приезжать родственники. Они привозили продукты, тёплую одежду. Зима 1932-1933 года была тоже суровой, тяжёлой. Норму хлеба уменьшили, и люди опять голодали. Без поддержки родных было очень трудно. Родные привозили продукты – крупу, муку, мёд, топлёное масло, чеснок. Сколько могли унести на себе, столько и везли. Ведь путь был неблизкий - от станции Пашия приходилось идти пешком до Куся четыренадцать километров, и от Куся до Федотовки двадцать пять километров, и при этом тащить на себе тяжёлые мешки и сумки. Родственники приезжали к Рожиным, Череповым, Морозовым, Некрасовым. Родственные узы в те времена были ещё весьма прочными, хотя коммунисты и заставляли отрекаться от родственников-кулаков.

В 1933 году партийное руководство района постановило создать в Федотовском поселении сельскохозяйственную артель. В неё вступили девять хозяйств: Череповы, Некрасовы, Рожины, Морозовы, Шабалины, Прокоповы, Стасенковы, Клочковы, Ермоленко. Государство выдало артели кредит на приобретение скота, семенного материала, инвентаря.

В марте 1933 года общее собрание артели с разрешения коменданта направило Александра Рожина на курсы бригадиров – полеводов. Учёба проводилась в селе Калино, неподалёку от города Чусового.

А руководил артелью Черепов Михаил Андреевич, потом Береснев Василий Дмитриевич. Всю весну и начало лета артельщики занимались корчеванием и разработкой земли под пашню. Пахали, боронили, сеяли рожь, овёс, горох, сажали картофель. В июле заготавливали сено для артельных коров и лошадей. Потом строили конюшни, овощехранилище. Осенью убирали урожай. Зимой артельщики вместе со всеми работали на заготовке леса. В декабре 1933 года Александра Рожина направили в дальний посёлок Осинский суходол на заготовку дранки. Там строили барак на сто человек, для новых поселенцев, а крыть крышу было нечем. Никто не умел изготавливать дранку.

Александр Рожин запряг лошадь, погрузил драночный станок и по льде реки Койвы направился в Кусью, а оттуда ещё восемнадцать километров до Осинского суходола. Установили с мужикаит станок возле бани, в которой распаривали чурки для дранки. За две недели заготовили 1400 кубометров дранки- полностью на крышу барака. После этого начальник направил Александра ещё в одно поселение – на Колбинскую паберегу, повыше углежжения. Там тоже строился барак, и понадобилась дранка. Потом его отправили на Вижай отремонтировать там драночный станок и заготовить дранки.

В июле 1934 года Александра Рожина выбрали на общем собрании председателем артели. При этом он выполнял и обязанности бригадира, и счетовода, и рядового члена, наравне с другими работал на всех полевых и заготовительных работах.

Заниматься земледелием на Урале оказалось непросто. Пахотной земли вблизи посёлка было мало, вокруг возвышались горы. Землю разрабатывали небольшими площадями в разных местах, в основном по берегам реки. Один участок находился в шести километрах вниз по течению реки, другой в четырёх километрах вверх, а третий и вовсе на острове. Такая разбросанность затрудняла уход за посевами. К тому же, за короткое уральское лет, да ещё с июльскими заморозками, рожь и овёс не вызревали. Приходилось скашивать зелень на корм лошадям и коровам. Поспевал только картофель. Но прибыль от него была невелика. Продукты животноводства – молоко, масло, мясо – тоже не оправдывали затраченных расходов.

Поэтому в 1936 году районное руководство постановило – артель ликвидировать. Коров, лошадей и инвентарь распродали и рассчитались с государством за предоставленный кредит. Небольшую сумму, оставшуюся от платежей, распределили между членами артели. Артельщики, да и другие поселенцы приобрели в личное хозяйство коров, телят, и это стало большим

подспорьем в их питании. Конюшни и другие строения передали лесопункту, в них теперь содержали лошадей, занятых на вывозке леса.

Глава. Тридцать седьмой год.

Никто не знал, на какой срок сослали крестьян в эти суровые края. Может быть на всю жизнь? Считали мало-помалу обустраиваться, налаживать быт: утепляли дома, заготавливали на зиму дрова, строили конюшни и сараи, обзаводились домашней скотиной. Возле домов разрабатывали огороды. Эта была нелёгкая работа. Помимо корчёвки пней, приходилось выкапывать и выбрасывать множество камней, так как земля тут была сплошь каменистая. Сначала крестьяне пытались выращивать привычные им зерновые культуры, но они не вызревали. Тогда стали сажать только картофель, да некоторые мелкие овощи – лук, морковь, свёклу, горох. Картофель стал основной пищей и нередко спасал людей от голода.

В 1935 году отменили карточную систему, и хлеб стали продавать в магазине свободно. Но зарплата у рабочих была небольшая, денег едва хватало на хлеб и кое-какие продукты. Поэтому люди обзаводились подсобным хозяйством.

Население посёлка регулярно пополнялось. Коммунисты неустанно находили всё новых и новых врагов и отправляли их в ссылку и лагеря. В 1937 году массовые репрессии усилились. На Федотовку привезли эшелон новых поселенцев. Тут были и татарские семьи - Зиятдиновы, Нуртиновы, и белорусские – Батуро, Ладутько, Яцкевич. Привезли из Краснокамска семьи кубанских и ростовских крестьян, сосланных в начале тридцатых годов и работавших эти годы на строительстве Краснокамского целлюлознобумажного комбината. Когда строительство закончилось, их отправили на лесоповал. Среди них были семьи Останиных, Нелиных, Коваль, Евсеевых, Жуковых.

Добрались сотрудники НКВД (наркомат внутренних дел) и до жителей Федотовки. В 1937 году арестовали почти всех трудоспособных мужчин: Василия и Алесандра Морозовых, АПСЕНИЯ Серова, Михаила Черепова, Василия Береснева, Ивана Прокопова .

(Приложение 1.)

Михаила Черепова увезли вместе с другими арестованными в город Кунгур и там они отсидели в тюрьме кто год, а кто больше. Первым вернулся в январе 1939 года Прокопов, и все бросились к нему расспрашивать о своих родных. Вскоре вернулись и братья Морозовы, и Береснев, а в мае 1939 года и Михаил Черепов. Арсения Серого увезли в Ирбит, и там, в тюрьме он погиб. Вернулись не все, многие так и остались в тюремных застенках.

Александр Рожин случайно избежал ареста. В этом году он работал на сплаве и заготовке леса. Рабочих рук не хватало. Александр осваивает лучковую пилу. Спилить одному дерево лучковой пилой оказалось очень сложно. В первый день он едва заготовил три кубометра дров при норме четыре. На второй и третий день дело пошло быстрее, а через неделю он уже побил рекорд, заготовив за смену шесть с половиной кубометров. Месячную норму он выполнил на 167% -

результат неслыханный в здешних местах. В виде поощрения ему дали отпуск – впервые за шесть лет, проработанных на Урале.

Александр Михайлович Рожин 1937 год

В свой первый отпуск Александр решил съездить на родину, повидаться с родственниками. Начальник лесопункта Молоков выдал ему справку об очередном отпуске и написал хорошую характеристику, а комендант Шубин дал разрешение на поездку. В июне 1937 года Александр поехал в родные края, в Костромскую область, где не был более шести лет. В Шарье его встретила сестра Наталья, с мужем Михаилом.

Вернувшись из отпуска, Александр вновь принимается за работу. В стране в эти годы началось стахановское движение. Трудовые коллективы и отдельные работники брали повышенные обязательства и старались досрочно их выполнить. Спецпоселенцев тоже заставляли брать обязательства. Александр Рожин взял на себя обязательства нарубить за шесть месяцев осенне-зимнего сезона 620 кубометров дров при дневной норме 4,3 кубометров. Работал он одержимо – без отдыха и перекуров, и выполнил обязательство досрочно. Его премировали отрезом ткани, и, как ударника, направили с группой передовых рабочих на слёт стахановцев в завод Пашию.

Слёт проходил два дня 26-27 декабря 1937 года. Передовики производства делились опытом, рассказывали о своих достижениях.[1]

Из воспоминаний Марии Афанасьевны Коваль (в девичестве Жукова).

«Местом очередной ссылки значилась глухая таёжная деревушка в Чусовском районе – Федотовка. Сюда семья Жуковых прибыла в 1937 году.

В деревне имелась одна единственная улица, на которой располагались дома и бараки. Был здесь контора леспромхоза, школа – четырёхлетка, конный двор, клуб, магазин, пекарня, ручная пилорама. Через речку Койву был переброшен мост, по которому ссыльные рабочие ходили валить тайгу. Лесосеки располагались на склонах большой горы Челпан. Каждую весну в половодье деревянный мост сносило. Когда река спадала, выстраивали новый мост, который существовал до нового разлива.

В Федотовке семью Жуковых разместили сначала в бараке. Афанасий Прокопович числился в леспромхозе на хорошем счету. Вскоре ему дали жильё в небольшом двухквартирном домике. Отсюда Маша впервые пошла в школу. После завершения четырёхлетки ей пришлось продолжать учёбу в Кусье.

В школу федотовским ребятам пришлось ходить пешком более тридцати километров. На Калистратовском кордоне на правый берег Койвы их перевозил на лодке специальный перевозчик. А далее пешком, до самого конца. Всю дорогу до Кусьи детишки ссыльных шли в лаптях, но когда доходили до братских могил, эту убогую обувь снимали и прятали под кустами. На ноги обували всё самое лучшее, что у них было припрятано в авоськах: сапожки, ботиночки. Чтобы хоть немного «щегольнуть» в посёлке.

В Кусье школяры жили весь учебный год в интернате, покидая его лишь на время каникул. Каникулы воспринимались, как праздник. Помимо того, что наступала свобода, ребята могли от души поесть домашних пельменей. Интернатское время запомнилось Марии Афанасьевне, как годы постоянного голода.

Лежишь, бывало, в кровати и думаешь: «Вот бы сейчас потолок обвалился, и с неба буханка хлеба прилетела, чтобы хоть разок поесть досыта». В Федотовке, конечно, буханки с неба тоже не падали, но отец Маши был отменным рыбаком и охотником. Приносил в буквальном смысле слова мешки подстреленных уток, глухарей, рябчиков. С рыбалки нёс тазики речной рыбы: хариусов и больших тайменей, мяса у которых было так много, словно у свиньи.

Репрессиям подвергались люди, как правило, инициативные и трудолюбивые. И в глуши они старались устроить свой быт. Вскоре в деревне стали строиться большие добротные дома, и хозяева обзаводились коровами и овечками, распахивались огороды. Мария Афанасьевна вышла замуж за такого же спецпереселенца Григория Ипатьевича Ковалёва, уроженца Винницкой области. А сама после окончания курсов в городе Чусовом, стала работать заведующей поселковым детским садом.»[8]

Глава. 1938 год

Конец тридцатых годов был относительно спокойным для поселенцев. Каждая семья имела огород и какую-нибудь скотину. Без хозяйства прожить было невозможно, так как зарплату платили ничтожно малую.

За товарами по разрешению коменданта ездили иногда в районный центр Чусовой, где на рынке можно было купить недорого поношенную одежду и обувь. А также меняли изделия своего труда на продукты и вещи. Умельцы мастерили различные поделки – изделия из бересты, хозяйственную утварь из дерева, глиняную посуду, плели лукошки, лапти, корзины. Женщины плели кружева, вышивали салфетки, вязали носки и рукавицы. Всё это менялось и продавалось.

Вобщем, жили поселенцы активно, не жаловались, не ныли, а трудились, не покладая рук, содержали семьи, воспитывали детей. Бытовые условия были тяжёлыми, жили очень бедно. В домах – голые стены, не было ни занавесок, ни скатертей, никаких украшений. Спасли на соломенных тюфяках, укрывались порой тем же полушубком, в котором работали. Молодые женщины и девушки

имели на выход единственное ситцевое платье, которое берегли и носили по нескольку лет. На ноги обували по праздникам парусиновые туфли.

Электричества в посёлке не было. Для освещения зажигали керосиновую лампу, а если не на что было купить керосин, то сидели при лучине. Почту привозили из Кусьи раз в неделю, а то и реже. Для Красного уголка выписывали газеты, которые могли читать все желающие. Деньги за газеты и журналы высчитывали с рабочих в виде культурного сбора.

Детей школьного возраста отправляли учиться в Кусью. Там они жили в Интернате. Это был обычный барак со сплошными нарами вдоль стен с большим столом посередине. Спасли все вместе на общих нарах, обычно не раздеваясь. От грязи, вшивости, недоедания дети часто болели и учились неохотно. Кое-как закончив по три-четыре класса, учёбу прекращали, и уже в четырнадцать – пятнадцать лет начинали работать в лесопункте.

В тот год за трудоспособность и исполнительность тогдашний грозный комендант Толстиков назначил Александра Рожина старшим по посёлку. В течение нескольких лет он исправно выполнял эту обязанность: следил за порядком в посёлке, разбирал конфликты и жалобы, организовывал помощь неимущим семьям и сиротам, решал бытовые вопросы по пастьбе личных коров, по распределению покосов. Помимо того его выбрали на общем собрании организатором культурно-массовой работы.

Подросли дети поселенцев, и в посёлке появилось много молодёжи. Вечерами, после работы, собирались в Красном уголке, читали вслух газеты, журналы, обсуждали новости. Потом пели песни, танцевали под гармошку. Пели такие песни, как «По диким степям Забайкалья», «Когда я на почте служил ямщиком». Разучивали и новые, современные, неведомо какими путями, долетевшие в эту глушь, песни: «Как родная меня мать провожала», «Легко на сердце от песни весёлой», «Лучше нету того цвету», «И кто его знает», «Одинокая гармонь», «Катюша».

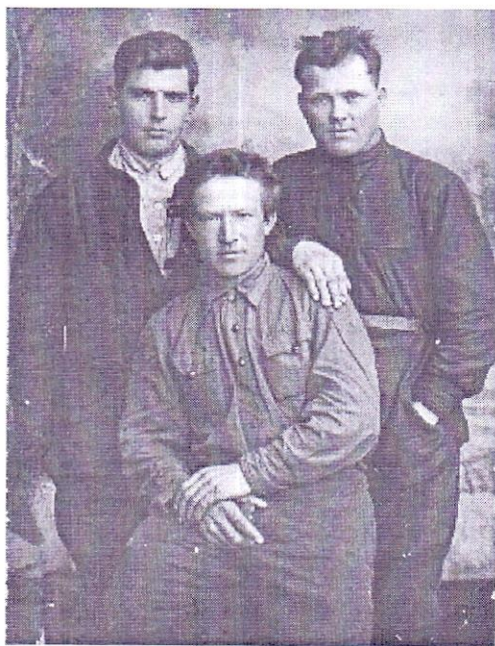
Активная молодёжь организовала драмкружок. В него вступили активисты : Василий и Александр Морозовы, Тая Серая, Маруся Чиж, Зина Батуро, Нина Черепова, Александр Рожин. По вечерам репетировали пьесы Островского, Чехова и других авторов. Шили костюмы, готовили декорации. А по воскресеньям показывали подготовленный спектакль народу. Никаких других развлечений в посёлке не было – ни радио, ни кино, поэтому в клуб на постановки собиралось всё население посёлка. Смотрели с большим интересом, переживали вместе с героями спектакля и шумно радовались хорошему концу.

К праздничным датам молодёжь готовила большие концерты: хор, частушки, песни, пляски, стихи, юмористические сценки. В посёлке появились молодые семьи: Василий Морозов и Маруся Чиж, Николай Останин и Зоя Кириченко, Александр Копанов и Тая Серая, Николай Нелин и Ксения Останина.

*Стоят: Варя Аликина и Надя Мальцева,
Сидят: Клава Реутова и Нина Черепова. 1937 год.*

В июне 1938 года в посёлок был назначен новый начальник лесопункта Ширинкин Александр Ефимович, деловой и справедливый мужик. Он относился к рабочим с уважением, старался улучшить условия их жизни, заинтересовать людей в выполнении производственных норм. Он ввёл премиальную систему - за лучшие показатели в труде рабочим – лесорубам и возчикам вручали красный флажок и денежную премию.

*Стоят Алексей Серый, Александр Морозов,
сидит Александр Рожин. 14 мая 1939 года.*

26 июня 1939 года Александр Рожин и Нина Черепова отправились пешком в посёлок Кусью и там зарегистрировали свой брак. На следующий день сыграли свадьбу. Собрались друзья и молодёжь со всего посёлка. Два дня погуляли, а на третий молодые пошли вместе на работу – рубить лес. Медовый месяц прошёл в трудах и заботах.

Александр и Нина в день свадьбы 26 июня 1939 года.

Глава. 1940 год

С января 1940 года, отучившись на курсах, бригады стали работать по методу Гузенко. В каждой бригаде было по восемь человек, половина из них женщины. Людей из бригад нередко посылали на другие работы. Так что заметных преимуществ, бригадный метод не дал.

Условия жизни рабочих в эту зиму заметно ухудшились в связи начавшейся финской войной. В магазине не стало никаких продуктов, продавали только хлеб, изредка сахар да селёдку. Все остальные продукты шли через столовую с наценкой в тридцать процентов. Рабочий день был увеличен, а расценки оставались прежними. Были введены наказания за малейшие нарушения трудовой дисциплины, за опоздания и неоправданный уход с работы, за выпуск некачественной продукции.

Произошли изменения и в области заготовке сельскохозяйственных продуктов. Увеличились налоги за содержание личного приусадебного хозяйства. В 1940 году за содержание коровы семья должна была уплатить 70 рублей налога, сдать 32 кг мяса, 7,2 кг масла. Да за огород полагалось сдать государству с каждой обработанной сотки по 17 кг картофеля.

Корову держать было тяжело и не выгодно, так как слишком велики были расходы на её содержание. Сено заготавливать приходилось урывками, по вечерам, и в выходные дни, и его обычно не хватало. Приходилось покупать у бисерских мужиков по 20 рублей за пуд. Лошадей на вывозку сена лесопункт не давал, и опять же приходилось нанимать бисерских возчиков и платить им по 40 рублей за воз.

Расходы на корову:

Сельскохозяйственный налог: 70 руб.

Мясо 32 кг по 15 руб. : 480 руб.

Масло сливочное 7,2 кг по 20 руб.: 144 руб.

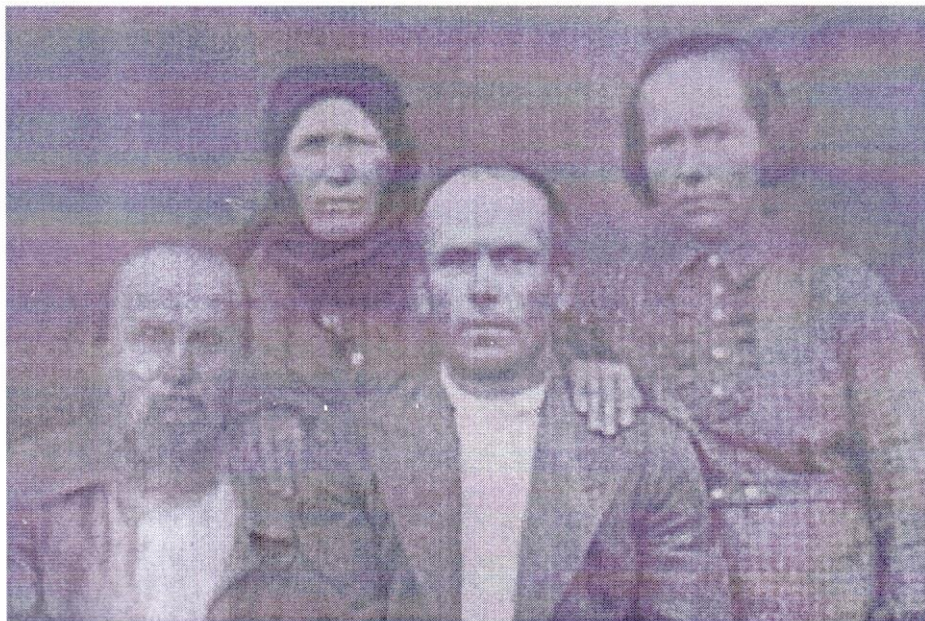
За пастьбу 6 месяцев по 20 руб: 120 руб.

Сено на зиму 15 пудов по 20 руб.: 300 руб.

Вывозка сена 10 возов по 40 руб.: 400 руб.

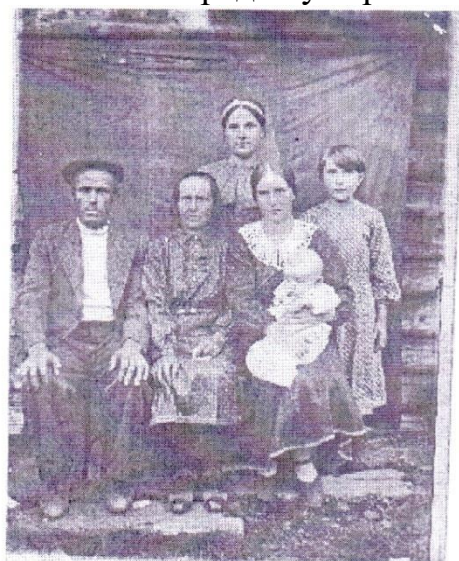
Всего: 1514 рублей

А среднемесячный заработок лесорубов даже при постоянном перевыполнении норм составлял не более 500 рублей. Но так как в магазине никаких продуктов не было, приходилось держать корову, чтобы иметь своё молоко и масло, а не есть сухой хлеб с картошкой.

Андрей Иванович, Михаил Андреевич, Елизавета Егоровна, Мария Федоровна Череповы 1940 г.

Помимо налогов и вычетов рабочих заставляли подписываться на Государственный заём. Возвращать же долги государство не торопилось. Между тем молодые семьи росли, у них появлялись дети. С двух месяцев ребёнка отдавали в ясли, так как декретный отпуск после родов женщине давали всего один месяц. Ясли представляли собой обычную комнату в бараке, где под присмотром няни, находились дети разных возрастов. Ухода за ними никакого не было и предоставленные сами себе, они ползали целыми днями по холодному полу. Дети постоянно болели и нередко умирали.

Михаил Андреевич Черепов, Мария Федоровна и их дочери: Нина с сыном Володей, Сима и Галя. 1940 г.

Глава. 1941 -1943 годы

Весна 1941 года была поздняя и затяжная. Лёд на реке Койва пошёл только 15 мая. Сплав закончили в середине июня. А 22 июня узнали о начале войны. Никто не думал тогда, что война будет долгой и мучительной. Сразу же увеличили продолжительность рабочего дня, работали теперь по 12 часов, от темна до темна. Один раз в месяц работали и по воскресеньям, а зарплату за этот день отчисли в фонд обороны. Отпусков с начала войны никому не давали.

Хлеб стали давать по карточкам – 800 г на каждого рабочего и 400г на иждивенца. Других продуктов не давали. Партийные правители постоянно призывали сдавать в фонд обороны деньги, облигации, вещи. Люди отдавали последнее, что у них имелось.

Из лесопункта забрали для нужд Армии всех хороших лошадей, остались старые, больные, да и тех мало. Работу в лесу оплачивали по прежним расценкам, но купить на эти деньги практически ничего было нельзя. Продукты на рынке с начала войны постоянно дорожали, а в магазинах ничего не было. К концу 1941 года на рынке в городе Чусовом цены были такие: мука – 450 рублей за пуд, картофель – 70 рублей за пуд, мясо – 70 рублей за пуд. А весной 1942 года даже и на рынке не стало ни муки, ни мяса, ни картофеля. Хлеб продавали по 100 рублей за 1 килограмм, молоко – 80 рублей за литр, спички – 50 рублей за коробок. А заработки рабочих составляли 200-300 рублей в месяц. Надо было покупать и керосин, и спички, и соль, и сахар, но все это по рыночным ценам было недоступно. В районе появились беженцы, которым было ещё труднее, и местные жители помогали им, чем могли.

На Федотовку привезли несколько немецких семей из Поволжья и других районов. Это были мирные, трудолюбивые люди, которые ничем не отличались от местных жителей, разве что фамилии их звучали необычно: Вольф, Шмидт. Некоторые семьи были многодетные и очень бедствовали. Все жилось нелегко в те военные годы.

Один за другим уходили на фронт местные мужчины и молодые парни. Не замедлили и похороны. Погиб, уважаемый поселенцами бывший начальник лесопункта Александр Ефимович Ширинкин, а также его брат. Погибли Иван и Николай Сарычевы, Илья Каменских, Герман Мальцев и ещё многие.

Весной 1942 года всех оставшихся молодых мужчин с посёлка – двадцать два человека – направили на военно-медицинскую комиссию, после которой они должны были явиться в военкомат. Но начинался сплав, а работать было некому, и директору леспромхоза удалось выхлопотать для нескольких человек отсрочку. Среди них оказался и Александр Рожин.

А в октябре 1942 года Александр сильно переломал ногу, попов случайно под лошадь. Заживала нога долго, ноющая боль и хромота так и остались на всю жизнь. Так в возрасте 31 год он стал инвалидом. Весь 1943 год находился дома, учился заново ходить. Все тяготы жизни легли на плечи его жены Нины. А цены на рынке в Чусовом были такими:

Хлеб ржаной – 150 руб кг

Сахар – 700 руб кг

Масло сливочное – 1000 руб кг

Масло растительное – 750 руб литр

Молоко – 100 руб литр

Картофель – 100 руб котелок

Жилось в то время тяжело. Норму хлеба в ноябре ещё снизили – рабочим стали давать по 500 граммов на день, иждивенцам по 250 граммов. Других продуктов не было. Основной едой поселенцев стала картошка, выращенная на своём огороде. Но в 1943 году год был неурожайным, так как лето было ненастное и сырое.

При любом урожае – хорошем или плохом полагалась сдавать по 17 кг картофеля с каждой сотки. Семье Рожиных удалось выменять за десять вёдер картошки двадцать килограммов соли, и это было большой удачей, ведь соль необходима для приготовления пищи, а также для засолки грибов, капусты. Выменяли также за три ведра картошки полтора килограмма сахара. Не было у людей самых необходимых вещей – мыла, спичек. Бывало, встанет утром хозяйка, а печку растопить нечем. Вот и заглядывает она в окно – не появится ли где дымок из трубы. Как увидит дым, так и бежит туда с пучком лучины – за огоньком.

Глава. 1944 год.

Четвёртый год шла война. По-прежнему трудно жилось федотовским поселенцам. Рабочих не хватало. Новых ссыльных почти не присылали. Привезли откуда-то несколько семей, называемых нацменами. Тогда думали, что это их национальность и только спустя многие годы выяснилось, что это означает «национальные меньшинства». Забитые и безграмотные, эти люди почти не говорили по-русски и ничего о себе не рассказывали, только молча, и безропотно работали в лесу. Постепенно они куда-то исчезли – умирали, убегали, и только одна женщина по имени Майтап Хакимова прожила на поселении долгие годы, так, впрочем, и не научившись хорошо говорить по-русски.

Беспросветно тяжёлой была жизнь женщин в ту пору. Терпеливые и выносливые, они работали на лесозаготовках, вели домашнее хозяйство, тянули свои большие семейства, растили детей. Отработав смену в лесу, они по вечерам копали огород, ухаживали за домашней скотиной, заготавливали сено и дрова, занимались стиркой, уборкой, шитьём. Воду для питья и хозяйственных нужд носили вёдрами на коромысле из-под горы с речки Федотовки. Зимой, прежде, чем набрать воду, приходилось топором расчищать замёрзшую прорубь, вырубать ступеньки на обледенелой и крутой тропинке. Нередко, поскользнувшись, падали, проливали воду, и приходилось возвращаться назад. В этой же проруби полоскали бельё, выжимая его онемевшими от холода руками.

Трудоёмким занятием была и стирка. Мыла не было, бельё замачивали в щёлоки (настояе золы), ставили в печь для отмокания, а потом подолгу тёрли на стиральной доске. После этого несли в корзинах на реку – полоскать в проруби. Развешивали бельё на морозе или расстилали в огороде на снегу для отбеливания солнцем.

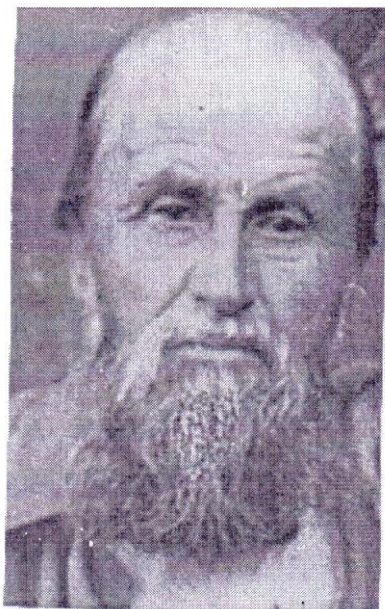
Переделав основную работу и уложив детей спать, женщины допоздна занимались шитьём и рукоделием. При тусклом свете керосиновой лампы, а то и лучины, они кроили и перекраивали старые изношенные вещи и шили из них детскую одежду. Пряли овечью шерсть и вязали носки, рукавицы. Умудрялись как-то одевать и обувать всю семью. Да ещё старались немного украсить своё

жилище: над детскими кроватками вешали самодельные лоскутные коврики – аппликации.

Одетые в бесформенные ватные фуфайки и тёмные платки, обутые в подшитые валенки и лапти, с лицами, потемневшими и обветренными, все женщины казались одного неопределённого возраста – среднего. Благодаря личному хозяйству переселенцы не умирали с голода, но содержать его было очень сложно. Молока вдоволь сами не пили. Сдавали его в столовую и детский сад в счёт налогов или продавали, чтобы скопить денег на налоги. Сельскохозяйственный налог в 1944 году вырос до 1200 рублей. Да ещё нужно было сдать 10 кг масла и 40 кг мяса.

Глава. 1945 год

Зима 1944-45 г. Была очень морозной и малоснежной. В эту зиму умерло много переселенцев – дети, старики. В марте 1945 года умер Андрей Иванович Черепов в возрасте 84 лет. [1]

Андрей Иванович Черепов 1861-1945

Числилось по документам - 103 чел. (34 семьи, в т.ч. мужчин - 27, женщин - 36, детей - 40) – 01.01.1945 г. [6]

В мае пришла, наконец, долгожданная весть о победе. Война закончилась. Люди радовались, обнимались, плакали и смеялись. Надеялись, что теперь их жизнь наладится. В это время в городах и на станциях, на рынках и вокзалах появилось множество инвалидов – искалеченных и порой бездомных солдат. Защитники Отечества получили столь небольшую пенсию, что вынуждены были менять на продукты свою одежду, а то и вовсе просить подаяния.

На Федотовку в мае привезли с Западной Украины семьи украинских националистов, бандеровцев. Это были, в основном, женщины с детьми, ни в чём не повинные, беззащитные люди. В посёлке зазвучала украинская речь, назывались непривычные украинские фамилии: Карповец, Чубик, Фитак, Михневич, Думич, Николайчук, Лелес, Головач, Коваль. Некоторые семьи были многодетные, имели по четверо-пятеро детей. Поселили их в барак и в

некоторых свободных домах. Детей определили в детский сад, при этом всех их наголо остригли, и мальчиков, и девочек.

Женщин направили в лес на заготовку дров. Работа была для них тяжёлой и незнакомой. Косить траву и убирать сено они тоже не умели. У них на родине всю тяжёлую работу выполняли мужчины, а женщины вели домашнее хозяйство. Самым тяжёлым испытанием для южных жителей явилась суровая уральская зима. Не всем довелось её пережить.

Глава. 1946-1947

Прошёл год, как закончилась война, но жить легче не стало. Хлеб по-прежнему давали по карточкам – рабочим 500 гр., иждивенцам 250 гр. К тому же государственные цены на хлеб и продукты в сентябре 1946 года были повышены. Вместо одного рубля хлеб стал стоить 3 руб.50 коп. за килограмм. В магазинах не было ни продуктов, ни товаров.

В этом году у Рожиных умер сын Володя (6 лет), а у Некрасовых - дочь Галя (17 лет). Женщины плакали, жалели и этих детей и своих умерших, так и не ставших взрослыми.

Но жизнь состояла не только из горестей и утрат. Бывали у поселенцев радости и удачи, праздники и гулянья. Возвращались с войны солдаты, и каждый их приход становился радостным событием для всех жителей посёлка. Правда, большинство мужчин вернулись инвалидами: Александр Морозов пришёл раненым и контуженным, Василий Попов – без руки, Александр Реутов – без ноги. Тем не менее, жизнь стала понемногу оживать, устраивались вечеринки, танцы, звучали песни, смех. К праздникам в клубе готовили концерт, постановки.

Рабочих на лесозаготовках не хватало и приходилось вербовать их из других районов. Некоторые приезжали из соседних посёлков вместе с семьями и оставались здесь жить. Так приехали семьи Поповых, Аликиных, Казаковых, Горбушиных, Реутовых.

Александр Рожин ездил в Ордынский, Кунгурский, Осинский районы, заключал там договора с колхозниками и привозил людей в Чусовской леспромхоз. Условия жизни были тогда тяжёлыми и люди бежали обратно.

В декабре 1947 года произошла отмена карточной системы. Хлеб и продукты стали продавать в магазине свободно. Одновременно в стране была проведена денежная реформа. Заменили все деньги и облигации. Реформа эта имела грабительский характер – у людей просто отбирали деньги: за 10 рублей старых денег давали 1 рубль новых, за 300 рублей облигации стоили 100 рублей новыми. Впрочем, облигации так и остались бесполезными бумажками. Никто по ним ничего людям не выплатил. Цены в магазинах при этом оставались прежними.

Не смотря, на все трудности, люди продолжали жить. В последние годы в посёлке сыграли немало свадеб. Александр Морозов женился на скромной вербованной девушке колхознице Лизе, Александр Реутов на Шуре Дураковой, Гриша Коваль на Марусе Жуковой, Виктор Каменских на Симе Череповой.

Глава. 1947 – 1951 годы

В мае 1947 года вышел приказ Министерства Внутренних дел об освобождении спецпоселенцев, высланных до 1937 года. Уцелевшим поселенцам выдали справки, на основании которых они могли получить паспорт и уехать с поселения.

СССР Чусовской Горотдел МВД Молотовской области 15 июня 1947 года № 1411 г. Чусовой
Справка
Настоящая выдана Рожину Александру Михайловичу 1911 года рождения, уроженец Костромской области, Шарьинского района, Головинского с/с, дер. Головино, в том что он освобожден из спецпоселения Молотовской обл., Чусовского района, в соответствии с приказом МВД СССР № 00519 от 16 мая 1947 года без ограничения в проживании в режимных местностях. С ним освобождаются: Дочь Рожина Лилия Александровна 1942 года рождения, Сын Рожин Борис Александрович 1944 года рождения, Сын Рожин Николай Александрович 1946 года рождения. Справка выдана на предмет получения паспорта.
Начальник Чусовского Г.О. МВД Капитан
/Подобин/

Первыми получили справки семьи: Рожиных, Череповых, Некрасовых, Морозовых.

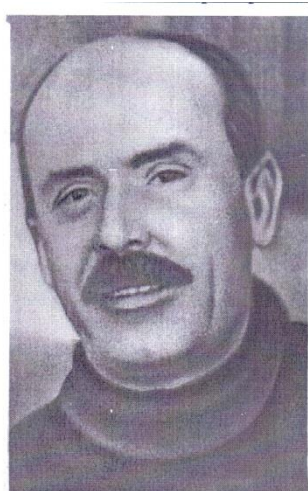

Александр Михайлович Рожин,

Нина Михайловна и дети: Боря, Лиля, Коля. 1947 год.

Получив долгожданную свободу можно было вернуться на родину. Каждая семья имела хозяйство, огород, на обустройство которых было затрачено много сил и труда, жалко было всё это бросать. Да и работа в лесу стала привычной и необходимой. Бывшие крестьяне даже полюбили этот край, по – своему красивый и щедрый. Так что большинство поселенцев осталось жить в Федотовке. Ничего в их жизни, в сущности, не изменилось, только перестали высчитывать из их зарплаты комендантские проценты да отменили контроль комендатуры за их жизнью. Теперь они подчинялись только начальнику лесопункта.

За минувшие годы начальники в лесопункте постоянно менялись: Молоков, Колташев, Ширинкин, Трапезников, Строкач, Субботин. Начальники менялись и в промежутке между назначениями руководил лесозаготовками

Михаил Андреевич Черепов 1896 – 1964

мастер Черепов Михаил Андреевич.

Всю лесную грамоту он прошёл от лесоруба и десятника до начальника лесопункта. Без инструкций и бумаг знал все сорта древесины, нормы, расценки и прочие нужные сведения. Был он умный, энергичный мужик с крепкой деловой хваткой и решительным характером, умел ладить и с рабочими и с начальством, был талантлив во всём. Он умел строить дома и мастерить детские игрушки, чинить обувь и плести корзины. Был мастером не только по профессии, но и мастером на все руки. Все четыре дочери выросли труженицами и умелыми рукодельницами.

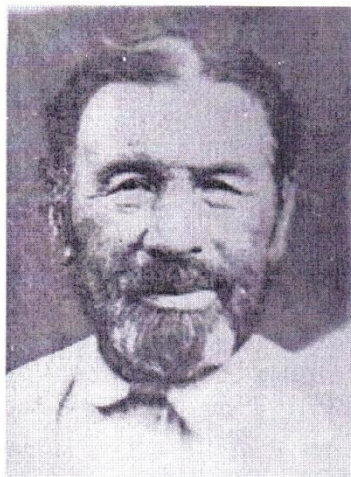
*Михаил Андреевич Черепов и его дочери:
Галя, Тамара, Сима, Нина. 1947 г.*

Семьи были тогда большие, многодетные. После войны рождалось много детей, но больницы не было, и рожали женщины дома. Уже на другой день после родов вставали и выполняли повседневную работу.

Принимала роды молодая фельдшерица Валентина Ивановна, приветливая, внимательная женщина. Её именем благодарные мамыши называли своих новорождённых дочерей: Валя Морозова, Валя Реутова, Валя Рожина.

В 1949 году Александра Рожина назначили заведующим конным двором. Работа была хлопотная и ответственная. Лошадей тогда держали много, и надо было обеспечить их кормом, упряжью, санями, телегами. Через полгода он передал эту должность старшему конюху Игнатову, а сам в августе 1950 года с Володиём Галиулиным отправился в Брянскую область на курсы слесарей-

механиков. Пока Александр был на курсах, 24 октября 1950 года умер его отец – Михаил Андреевич.

Михаил Андреевич Рожин 1869 - 1950

В 1951 году поселенцы впервые приняли участие в выборах. Прежде они были лишены этого права. По льду реки Койва стали ходить машины из Бисера и Кусьи. Начальником лесопункта был в то время Субботин, умный, деловой мужик. Он жил с семьёй тут же в посёлке и сделал для поселения немало полезного: разбил и привёз передвижную электростанцию, и в домах впервые зажёгся электрический свет. А раз появилось электричество, то появились радиоприёмники, а в клубе стали показывать фильмы. В лесу стали работать тракторы, появились электрические пилы.[1]

Глава. 1950 год

Численность населения в посёлке - 51 чел. (20 семей, в т.ч. мужчин - 9, женщин - 19, детей до 16 лет - 23) – 01.01.1950 г.

На 01.01.1950 г.: советские немцы – 1 чел. (1 семья), «оуновцы» - 50 чел. (19 семей) [6]

Самую значительную часть населения посёлка составляли дети. В каждой семье их было по пять-шесть человек, а то и больше. Дети рано становились самостоятельными, их родители работали, а дети целыми днями оставались одни, им приходилось заботиться не только о себе, но и о младших братьях и сёстрах. В те года дети поселенцев не знали ни электричества, ни радио, ни кино. Они никогда не видели автомобилей, поездов, самолётов и даже велосипедов. У них не было никаких магазинских игрушек, не было детских книжек и цветных карандашей. Они не знали ни фруктов, ни конфет, никаких других сладостей. Основной едой их была картошка, хлеб, молоко, лесная зелень и ягоды. С ранней весны и в течение всего лета ребятишки выискивали и ели всякую мало-мальски съедобную зелень: дикий лук, щавель, пестики хвоща, кукушкин лён, кислицу, клевер, дудник. Собирали ягоды – малину, землянику, костянику, смородину.

Одевались очень бедно – бывало всё лето, парнишка бегает в одной рубашонке и коротких штанишках. Летней обуви вообще не было, с весны до осени бегали босиком, ноги были вечно в царапинах, ссадинах. Зимой было хуже. Из-за отсутствия тёплой одежды и обуви младшим детям приходилось иногда всю зиму сидеть дома. Побледневшие, исхудавшие выходили они весной на улицу. И тем

не менее, дети не чувствовали себя в чём-то обделёнными, они ведь и не знали, что где-то есть другая, более интересная жизнь.

Много времени дети проводили на реке Койве. Недалеко от реки, на горке стояла кузница. Внутрь детей не пускали, но в полуоткрытую дверь им удавалось подглядеть, как кузнец Ипатий Селивестрович Коваль доставал из огня раскалённую железяку и бил по ней молотком.

Были у детей и любимые игры. Мальчики играли в чижика, ножички, катались на деревянных самокатах, ходили на ходулях. Девочки играли отдельно - в куклы, классики, прыгали через верёвочку. Старшие дети играли в общие игры - мяч, лапту. Большим событием стало появлением в посёлке первого патефона. Его привезла заведующая магазином Руфа Горбушина. Со всего посёлка сбегались дети и взрослые послушать музыку.

В 1951 году на Федотовку впервые стали ходить машины и трактора. Мальчишки, едва слышав гул машин, мчались на улицу и просили их прокатить. Теперь все мечтали стать шофёрами и трактористами. Вскоре произошло ещё одно очень важное событие. Вдоль улиц выкопали ямы и установили столбы, на которые натянули проволоку. В каждом доме под потолком повесили электрическую лампочку. Возле конторы загудела передвижная электростанция, и в домах загорелся свет. На столбе возле конторы повесили тарелку – радио, и теперь каждый день жители посёлка слушали новости, музыку. В клубе стали показывать кинофильмы. Кино казалось нереальной, сказочной страной, изображённые там события были совсем не похожи на нищую послевоенную жизнь в посёлке.

Глава. Школа.

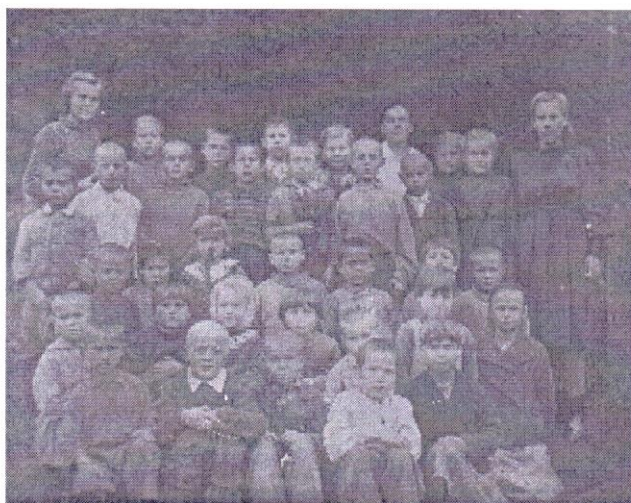
Ещё перед войной в посёлке была открыта начальная школа. Она состояла из одной классной комнаты в бараке. Учил детей учитель Баженов. Потом его призвали на войну, и школу пришлось закрыть. После войны в посёлке оказалось много детей школьного возраста. Посылать их на учёбу в Кусью не у всех хватало средств. Жили тогда очень бедно. Поэтому решили открыть в посёлке начальную школу. Построили небольшой бревенчатый дом, разделили его внутри на две половины – слева коридор, справа комната и в углу у входа небольшая учительская.

С учителями тоже проблем не было. Двух местных девушек Нилу Батуро и Надю Ладутько, закончивших недавно среднюю школу, направили на краткосрочные учительские курсы, после чего они стали учить ребят в посёлке. Называли их теперь уважительно, по имени – отчеству Неонила Исааковна и Надежда Ивановна.

Немаловажную должность в школе занимала уборщица тётя Маруся Дуракова. Она приходила раньше всех - часа за два до начала занятий. Зимой разгребала снег, приносила дрова и топила печь, ходила на реку за водой, делала уборку, зажигала керосиновые лампы для освещения, подавала звонки на уроки.

Занимались в школе в две смены. Каждая учительница вела одновременно два класса. Своих учебников и тетрадей у детей не было. Учительницы привозили все учебные пособия с района и выдавали детям по одному учебнику на несколько человек, и по две тетради каждому ученику - одну в косую линейку

для письма, другую в клеточку для арифметики. Когда тетрадь заканчивалась, учительница выдавала новую. Писали ручкой со стальным пёрышком, макая его в чернила. Каждый ученик должен был приносить свои чернила в стеклянном пузырьке. Портфелей ни у кого не было. Тетради и книги носили в матерчатой самодельной сумке. У одного мальчика Пети Михневича была полевая кожаная сумка на ремне, так она являлась предметом всеобщей зависти мальчишек.

Федотовская начальная школа 1950 год.

В школу приходили дети задолго до начала занятий. До уроков, а также на переменах дети занимались играми: водили хороводы, пели песни, играли в жмурки, в кошки-мышки, каравай, в ниточку-иглочку и другие игры. Старшие девочки знали много песен и пели их хором: «Играй мой баян», «На позицию девушка провожала бойца», «Солнце скрылось за горою», «По долинам и по взгорьям», «Варяг», «С песнями борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идёт», «Первый сокол Ленин, второй сокол Сталин», «О Сталине мудром, родном и любимом прекрасную песню слагает народ».

На уроках сидели смирно, боялись получить замечание. Девочки учились старательно, мальчики же часто ленились. Нерадивые ученики оставались на второй, а то и на третий год в одном и том же классе. Между тем были дети и весьма одарённые, талантливые. Отлично учился Миша Некрасов. Он на лету схватывал объяснения учительницы, легко решал самые трудные задачи. У Некрасовых вообще все дети были способные. Хорошо рисовали Петя Михневич и Ира Николайчук. Многие дети были весьма музыкальны, хорошо пели, танцевали. Особенно выделялись звонкими голосами украинские девчата: Василина Карповец, Маруся Чубик, Лида Головач.

В послевоенные годы школьники одевались очень бедно. Ни пальто, ни курток у детей не было. Зимой ходили в родительских ватных фуфайках и старых подшитых валенках, а весной и осенью - в худых башмаках, в галошах или в больших отцовских сапогах.

Своих учительниц дети любили, а девочки все мечтали стать учителями. Однако Надежда Ивановна вскоре вышла замуж за Игнатова и уехала из посёлка. После неё здесь работали учителя: Галина Ивановна Пинчук, Татьяна Ивановна Завьялова. Именно Татьяна Ивановна добилась разрешения создать в школе пионерскую организацию.

Школьники к этому времени по фильмам и книгам знали о пионерах и мечтали быть похожими на них. Тогда детям ссыльных запрещалась вступать в пионерскую организацию. Получив разрешение, Татьяна Ивановна выучила с детьми клятву пионеров и повязала им красные галстуки. После уроков читали все вместе книги о героях Павлике Морозове, Зое Космодемьянской. Потом всем классом обсуждали прочитанное.

Федотовская школа 1953 год.

К праздникам школьники готовили концерты: пели песни, танцевали, ставили небольшие спектакли, читали стихи. На концерты в клуб собирались все жители посёлка и одобрительно принимали каждое выступление. [1]

Численность посёлка - 52 чел. (21 семья, в т.ч. мужчин - 10, женщин - 27, детей до 16 лет - 15) – 01.01.1951 г. [6]

Глава. 1952 год

Одной из главных сезонных работ был весенний сплав леса. Всю зиму лесорубы заготавливали лес и складывали его штабелями, чтобы весной, по большой воде сплавить брёвна в Кусью, для дальнейшей переработки.

Сигналом для начала сплава являлся ледоход на реке Койве. В это время река становилась широкой и полноводной, и сносила всё, что встречала на своём пути, в том числе и лёгкий деревянный мост, по которому рабочие ходили на другой берег рубить лес. После ледохода строили новый мост, который служил до следующего половодья. Едва река освобождалась ото льда, как сразу начинался сплав леса. В этой работе участвовало всё население посёлка.

Наверху каждого штабеля становились по два-три человека и сбрасывали брёвна вниз, там их подхватывали баграми двое рабочих и направляли в воду. Работа была нелёгкой, требовала умения, сноровки и сил. Надо было вовремя увернуться от раскатившегося бревна, ловко подхватить его баграми и столкнуть в воду. Часто приходилось очищать реку от заторов. Это было очень опасно. Целыми днями сплавщики бродили по ледяной воде, застужали ноги, и как следствие, болели. Каждую весну на сплаве работали федотовские мужики: Александр Рожин, Василий Морозов, Акрам Зиятдинов, Григорий Останин. В

мае 1952 года был последний сплав леса. В это время в верховьях реки работа драга по добыче алмазов, и поступило распоряжение сплав по этой реке прекратить. Да и лес в прибрежных лесосеках, к этому времени, был вырублен и заготавливали его теперь в направлении к станции Вижай. Туда была проложена лесная дорога и лес стали возить тракторами и машинами на станцию Вижай и грузить там в вагоны.

Расстояние от Федотовки до Вижая составляло около двадцати километров. Примерно на половине этого пути летом 1952 года решено было построить бараки-общежития для лесорубов. Местных рабочих не хватало, получив освобождение, поселенцы стали постепенно уезжать в ближайшие посёлки: Бисер, Кусью. Поэтому лес теперь заготавливали вербованные рабочие. Они приезжали отовсюду, чаще из разорённых деревень, кто в одиночку, кто с семьёй. На строительство этих барakov направили бригаду Александра Рожина. В неё вошли шесть человек: Зиятдинов Акрам, Деминович Иосиф Антонович, Денисюк Пётр Захарович, Мисюк Николай Степанович, Щербацевич Александр Сидорович и возчик Казаков Фёдор Николаевич.

Бригада составила интернациональная – русские, белорусы, украинцы, татары. Мужики подобрались крепкие, сильные и работающие. Прежде всего построили помещение для ночлега и обогрева, так называемую сушилку. Лес заготавливали поблизости, а возчик Казаков подвозил брёвна к месту строительства на лошади, волокушей. Другие стройматериалы – тёс, стёкла, железные печки привозили на тракторе с Вижая.

Все работы выполняли вручную – корчевали, пилили, рубили, строгали, драли мох. Техники никакой не было. За несколько дней срубили дом, постелили пол и потолок, покрыли крышу тёсом. Затем навесили двери, вставили окна, поставили железную печку и установили дощатые нары. Здесь и стали жить сами строители. Отработав неделю на стройке, в субботу вечером они отправлялись домой, к семье. Шли пешком двенадцать километров по лесной тропинке. Прямой дороги тогда не было, трактора ездили через Урайку, но это составляло лишних пять километров. В понедельник, рано утром строители возвращались. Несли с собой запас продуктов на неделю: хлеб, картошку, крупу.

Закончив сушилку, стали готовить площадку для первого барака: вырубали лес, корчевали пни, копали ямы под фундамент. В ямы ставили деревянные столбы, засыпали их грунтом и трамбовали. Затем рубили венцы. Часть брёвен привезли трактором с Урайки, от разобранных там барakov. Вновь рубили только нижние венцы да недостающие брёвна. Сам же заготавливали мох для прокладки брёвен. Барак строили длиной пятьдесят два метра, шириной девять метров. За полтора месяца закончили строительство первого барака и начали строительство второго. Затем построили баню размером восемь на шесть метров. Потом утеплённый бревенчатый гараж для трелёвочных тракторов размером девять на семь метров.

Со станции Вижай привезли деревянные щиты для домов. Из них сделали столовую. Таким образом, бригада из семи человек с июня по октябрь построила шесть довольно крупных объектов. Ещё там открыли продуктовый ларёк. Называлось это селение «Пятьдесят второй квартал».

Глава, 1953 год

В 1953 году Федотовский лесопункт передали из Чусовского леспромхоза во вновь организованный Бисерский леспромхоз. В лесосеки пришли тракторы,

машины-лесовозы, краны. Привезли передвижную электростанцию, к которой присоединили кабеля электропил, и этими пилами спиливали деревья. Поваленный лес тракторами везли хлыстами на временную эстакаду, где сучкорубы обрубали сучья. Затем хлысты размечали и распиливали на сортименты определённого размера. По проложенной рельсовой дорожке брёвна развозили на вагонетки по штабелям, каждый вид древесины отдельно: пиловочник, стройлес, рудстойка, дровяное долготё. Потом из штабелей древесину грузили кранами на машины и везли на станцию Вижай для отгрузки в вагоны. С механизацией работать в лесу стало легче.

Состав населения посёлка оставался неизменным. Привычный, размеренный уклад жизни нарушали иногда такие житейские события, как свадьбы, похороны или приезд налогового инспектора. Налоги за содержание приусадебных участков по-прежнему платили немалые. Сдавали государству молоко, мясо, масло, картофель, овечью шерсть. Жили всё ещё бедно. В большинстве семей одеждой и обувью пользовались по очереди, младшие дети донашивали одежду старших. Спасли на печи, на лавках, полатях и просто на полу, укрываясь фуфайками, полушубками. В магазине продуктов покупали мало, только самое необходимое. Заработанные деньги берегли на уплату налогов, на покупку одежды и необходимых в хозяйстве вещей.

Однако уже появились и некоторые проблески к улучшению жизни. Радовало, например, снижение цен на продукты питания. Стали приезжать родственники, они привозили разные вещи: тюлевые занавески, трикотажное бельё, посуду.

О политических событиях узнавали по радио и из газет. Сообщение о болезни вождя Сталина взволновало весь посёлок. А известие о его смерти буквально потрясло людей, они плакали, рыдали.

В тот же день, пятого марта, в посёлке умер один из старейших жителей Макар Павлович Морозов, ссыльный первого эшелона.

Сам же посёлок Федотовка мало изменился за минувшие годы. После войны новых ссыльных не привозили, в бараках жили сезонные рабочие-лесорубы. А позже, когда рабочих уже не было, их стали использовать для хозяйственных нужд – под склады и подсобные помещения.

Повыше бараков на пригорке находилась площадь, на которой располагались основные учреждения посёлка: контора, склад, магазин, пекарня, столовая, школа, медпункт, детский сад. Здесь же находились некоторые производственные предприятия: кузнеца, пилорама, передвижная электростанция, конный двор, конюховка.

Отсюда начиналась главная и единственная улица посёлка. Около конторы был медпункт. Там много лет работала Клара Фёдоровна Шмидт, фельдшер из ссыльных немцев. Это была высокая, худощавая женщина, строгая и педантичная и в то же время добрая и отзывчивая, всегда готовая прийти на помощь. Она была своим человеком в каждом доме, принимала роды, лечила стариков и детишек, делала перевязки, уколы, компрессы и даже несложные операции. [2]. После переезда на Вижай она продолжила свою деятельность в вижайском медпункте.

Недалеко от конторы разместился конный двор, окружённый санями, телегами и порочим гужевым транспортом. Хотя уже появились машины, лошади были незаменимы в хозяйстве. Здесь много лет работал шорником Михаил Андреевич Рожин.

По другую сторону площади располагалась школа, магазин, пекарня. Бессменным пекарем многие годы работал Вениамин Горбушин. Этот неприметный глуховатый мужичок кормил хлебом весь посёлок. Каждое утро, задолго до рассвета, шёл он в пекарню, топил печь, месил тесто и выпекал хлеб. Буханки были большие, весом по два килограмма. Торговала хлебом его жена – Руфина. Потом из Бисера прислали другую заведующую магазином – Клавдию Васильевну Денисову. В магазине появились невиданные ранее продукты: макароны, маргарин, колбаса, пряники, конфеты. Привозила она одежду, обувь, ткани и даже детские игрушки. Вообще, магазин являлся своеобразным клубом, где люди встречались, общались, обменивались новостями.

Клавдия Васильевна Денисова. 1952 год.

Жилые дома в посёлке были построены по одному типу – двухквартирные, с двумя отдельными входами. В каждом доме проживало по две семьи. В первом доме, сразу за конным двором, жили Казаковы – Фёдор Николаевич, работавший конюхом и возчиком, его жена – Анна и трое взрослых детей: Лиза, Николай, Миша. В другой половине проживала семья Поповых – Василий Аркадьевич, вернувшийся с войны без руки, его вечно озабоченная, усталая жена Дуся и четверо шумных, озорных сыновей: Толя, Женя, Коля, Лёня. Была ещё девочка Галя, но она умерла по недосмотру: провалилась в ограждение кровати, голова застряла и девочка задохнулась. Коля Попов был неразлучным дружкой Бори Рожина, жившего по соседству. Целыми днями друзья вместе бегали, играли, лазали по деревьям и крышам. А с младшей Леночкой играла Валя Рожина.

Дом Рожиных был следующим по ряду. Это дом Александр Рожин выкупил у лесопункта, и он теперь являлся собственностью семьи. Возле дома был разведён черёмуховый сад. Александр Михайлович пытался вырастить и яблони, несколько раз привозил саженцы, укрывал их зимой, но они всегда замерзали. Рядом с домом располагались надворные постройки: конюшни для овец и коровы, сеновал, навес для дров. В 1951 году построили и свою баню. До этого мылись в общей бане, расположенной под горой, на берегу речки Федотовки. Было это весьма неудобно, надо было намыть, одеть и перетаскать домой четверых детей. В бане всегда было многолюдно, тесно, каждая женщина приводила с собой ораву ребятишек. Так что своя отдельная баня была очень нужна. Построили её совместно с Череповым Михаилом на границе двух участков.

Нина Михайловна и Александр Михайлович. 1954 год.

Дом Череповых стоял рядом. Семья их, состоявшая прежде из востми человек, постепенно убавлялась – отец умер, дочери одна за другой выходили замуж и уезжали, в конце концов остались они твороём – Михаил Андреевич с Марией Фёдоровной, да старенькая Елизавета Егоровна. Дом и территория вокруг него были аккуратными, ухоженными, по всей ограде проложены дощатые тротуары. Михаил Андреевич был человеком передовых взглядов, умным и гармотным, выписывал множество газет и журналов и первым в посёлке вводил различные новшества. Сам сделал прозетки и выключатели. Во все дома свет был проведён напрямую к электрической лампочке, никаких других электроприборов не предусматривалось, выключателей не было. Доля того, чтобы погнасить свет, надо было выкручивать лампочку. Впрочем необходимость в этом возникала редко, поскольку электростанция работала ограниченное время, примерно с шести до десяти часов вечера.

В следующем доме жила Таисия Конева и Александр с детьми Вале́й и Юрой. Они вскоре уехали в Бисер. В другой половине жильцы часто менялись. Одно время проживало там многодетное и бедное семейство Низовых. После их отъезда в квартиру вселилась семья Лелес. Это была исключительно женская семья – старенькая мать и четверо дочерей: Ева, Оля, Рая, Люба. Все девушки высокие, статные, красивые, труженицы и мастерицы, работали они в лесу на заготовке дров.

Дальше жила семья Батуро – мать и пятеро детей – Зина, Нила, Оля, Шура, Петя. Они были высланы из Белоруссии и отбывали пятую часть ссылки в Краснокамске, работали на строительстве бумажного комбината. Там умер отец, а семью вместе с другими ссыльными привезли 1937 году на Федотовку. Сёстры Батуро были умными, трудолюбивыми девушками и очень хороши собой, с красивыми голубыми глазами и каким-то особым изяществом во внешности. Жилось им крайне труднор. Старшая зина с восемнадцати лет на лесоповале, помогала матери растить младших детей. Она вышла замуж за Федю Савченко, молодого парня из ссыльных украинцев. У них родилась дось Лёля. Позже они переехали жить в Бисер. Вторая сестра Нила выучилась и была учительницей в школе. У неё был сын Валечка. Младшая сестра Ольга вышла замуж и уехала жить в Кусью.[1]

Из воспоминаний Нилы: «На следующий день всю семью повезли в Федотовку на лесоповал. Разместили нас в доме, построенном на две семьи. Зину сразу отправили на лесозаготовки. Работать было очень тяжело, за день нужно было выполнить норму, для того чтобы получить карточку на 800 граммов хлеба.

Зимой приходилось отгрести от деревьев снег, глубина которого иногда доходила до двух метров, спилить бревно, обрубить сучья, сложить их в кучу, распилить на чурки, чурки расколоть. В день нужно было заготовить 4 кубометра дров. Остальные дети сначала помогали по хозяйству матери: косили сено, зимой перевозили его на санках домой, весной разрабатывали огород, садили картофель. Мать держала корову, которую удалось перевести из Краснокамска, позднее в хозяйстве появились овцы, поросята, телёнок, куры». [7]

*Петр Батуро, Василий Остринский,
Владимир Грицишин. 1953 год.*

По правой стороне улицы в первом доме, напротив Поповых, жила Рая Аликина, бойкая и говорливая женщина, обременённая большим семейством — три сына и две дочери. Вся жизнь этой семьи состояла из постоянной заботы о куске хлеба. Старшие сыновья Женя и Лёша лет с четырнадцати работали на подсобных работах: пасли коров, помогали соседям пилить дрова, косить сено — только за то, чтобы их накормили. Дочь Нина нанималась в няньки. Младшие Витя и Лёля ещё учились в начальной школе.

Вдругой половине дома жила Клавдия Васильевна Денисова, заведующая местным магазином. Её единственный сын Казимир, закончил в Бисере среднюю школу и на Федотовку приезжал редко.

Во втором доме, напротив Рожиных, проживали Кузнецовы и Морозовы. Семья Кузнецовых состояла из шести человек — Иван Андреевич с женой Матреной и дети: Паня, Марина, Нина, Иван. Получив освобождение, семья вскоре уехала из поселка. Другую половину дома занимал Макар Павлович Морозов с женой Антонидой и сыновьями. Семья тоже постепенно убавлялась — жена умерла, старший сын Василий женился и стал жить отдельно. Потом женился и вернувшийся с войны Александр и после отъезда соседей перешел жить с женой в освободившуюся половину. Макар Павлович, оставшись один, взял в дом одинокую женщину Дарью и с нею доживал свой век.

С братьями Морозовыми Александра Михайловича связывала многолетняя дружба — в одном вагоне ехали в ссылку, спали на общих нарах в бараке, вместе работали на лесоповале. Потом более двадцати лет жили в соседних домах, советуясь и помогая друг другу. Их было три брата — Василий, Алексей и Александр. Алексей в первый же год сбежал из ссылки, и о нем больше не слышали. Василий и Александр стали инвалидами — Василий остался без глаза, Александр вернулся с войны контуженным, и вскоре слёг, парализованный.

Когда-то Шура Морозов был первым парнем на селе — озорной, веселый, теперь же не мог самостоятельно удержать ложку. Все заботы о семье и хозяйстве легли на плечи его молодой жены Лизы. Скромная и молчаливая, со скорбным, иконописным лицом, бедная Лиза безропотно несла свой крест, трудилась, не разгибая спины. В лесу работала наравне с мужиками и дома тянула всю семью, ухаживала за больным мужем, растила детей. Девочки — погодки Валя и Галя рано стали самостоятельными, с дошкольных лет оставались дома одни и присматривали за больным отцом, подавали ему еду, питье.

Далее жили Горбушины — Вениамин и Руфа. Их семья считалась зажиточной, ведь они работали в магазине и пекарне. Да и ссыльными они не были, приехали сюда из Кусьи. Они жили, как все. В семье было трое детей — Валерка, Коля и Люба.

В другой половине дома проживали некоторое время Виктор и Сима Каменских с маленькими дочками Люсей и Алей. Сима после школы закончила в Чусовом бухгалтерские курсы и теперь работала в конторе. Виктор же долго не находил себе дела по душе, часто менял работу, метался, выпивал, шумел. Он был творческой натурой, имел способности к рисованию и неплохо рисовал картины, хотя нигде этому специально не обучался. Способности к рисованию передались потом всем его детям, а дочь Алевтина стала профессиональным художником. Семья Каменских переехала вскоре в Пашию, к родителям Виктора.

В следующем доме жили Василий Береснев и Шура Некрасова с детьми. После отъезда их соседки Насти Катковой семья Некрасовых занимала весь дом. Фамилию отца — Береснев унаследовал только старший сын Николай, остальные дети были записаны на фамилию матери — Некрасовы: Леонид, Галя, Нина, Миша, Толя и Тамара. Дочь Галя умерла в возрасте 17-ти лет. Была в семье еще старенькая богомольная бабушка, которая присматривала за детьми.

Семья Некрасовых пользовалась уважением соседей за свое трудолюбие и мастерство. Дети рано приучались к труду и выполняли всю домашнюю работу — заготавливали дрова, косили сено, обрабатывали огород. Старшие сыновья Николай и Леонид лет с четырнадцати работали в лесопункте наравне со взрослыми. Сам Василий Дмитриевич долго болел и в 1951 году умер. Николай и Леонид в свои молодые годы были первыми парнями на селе: высокие, сильные, красивые — настоящие русские богатыри, и в работе не было им равных. Все девчата заглядывались на них. Тем более, что в послевоенные годы девушек в поселке было значительно больше, чем парней. По соседству, в семье Ермоленко имелись сразу три взрослые дочери: Тоня, Катя, Маша, девушки хозяйственные, работающие. Молодость их пришлась на войну, и так как мужчин в доме не было, девушкам приходилось делать всю мужскую и женскую работу: пахать, пилить, грузить, возить.

Подрастал, правда в их семье и мальчик, младший, внебрачный сын Паши Ермоленко и Арсентия Серого — Колька. С малых лет мальчик рос на побегушках у старших, только и слышал: «Сбегай, подай, принеси, помоги». Закончив начальную школу, Коля пошел работать. Сначала помогал матери на конном дворе, а потом ему стали поручать и самостоятельную работу, в

основном при лошадях. Позднее он стал трактористом.

Далее в верхней части поселка жили семьи: Прокоповы, Кондаковы, Явкины, Жуковы, Гайдаевы, Коваль, Евсеевы, Нелины, Останины, Зиятдиновы, Деминович, Ладутько, Яцкевич, Дураковы, Реутовы, Мальцевы, Галиулины, Нуртиновы, Козловы, Крапивины, Грицышины, Думич, Карповец, Головач, Чубик, Фитак, Николайчук и многие другие.

Хотелось бы назвать всех поселенцев и написать об их непростых, исковерканных судьбах. Всей своей трудовой жизнью, терпением, выносливостью эти люди заслужили того, чтобы о них помнили. Ведь только самые упорные, трудолюбивые и в то же время добрые, отзывчивые смогли выжить в тех суровых, нечеловеческих условиях. Без доброты, без взаимной помощи и поддержки вряд ли смогли бы они долго продержаться на поселении. Они не только выжили сами, но и вырастили детей — новое поколение тружеников. В какой бы бедности ни жила семья, сколько бы детей ни рожали, их никогда не бросали, не отдавали в приюты. Всех растили, обо всех заботились. За все годы в поселке не было ни одного случая отказа от ребенка. Не было и разводов. Семью создавали один раз и на всю жизнь. Конечно, бывали ссоры, измены, выпивки, но семью никогда не бросали.

Не знали в поселке и преступности, не было ни краж, ни насилия, ни, тем более, убийств. Самым большим криминалом считались пьяные драки, которые случались иногда по праздникам. Не было в то время в поселке людей толстых и тучных, даже пожилые и старые женщины были худощавыми. Зато имелись долгожители. Более восьмидесяти лет прожили Андрей Иванович Черепов, Макар Павлович Морозов, Михаил Андреевич Рожин и многие другие, а Егор Иванович Нелин прожил 103 года. Отношения между соседями были, в основном добрыми, дружескими. Мужчины постоянно обращались друг к другу за помощью в хозяйственных делах, то огород вспахать, то сено привезти. Женщины делились опытом в приготовлении обедов. Например, от местных жителей научились стряпать сибирские пельмени, от украинок варить борщи и компоты. Делились узорами вышивок и вязаний. Соседи, в большинстве своем были открыты и доброжелательны, хоть и мало видели радостей в жизни.

В конце пятидесятых годов Федотовский лесопункт закрыли, технику и рабочих передали вижайскому лесопункту, и все жители с Федотовки постепенно разъехались — большинство перебрались в Вижай, другие в Бисер и в Кусью, третьи вернулись к себе на родину, откуда были когда-то высланы. Поселок опустел и фактически перестал существовать. Дольше всех там оставался Епифан Крапивин, он даже прозвище получил “Колдун”. Потом и он переехал в Вижай.

Литература.

1. Лебедева Л.А. «Семейная летопись» - личный архив семьи Рожиных.
3. Спецпоселение. Карта от Голубева (информация из краеведческого музея)
4. Административно территориальное деление Уральская обл. Чусовской район 1926 г.
(Федотовский кордон).
5. Спецпоселения на территории Горнозаводского района //Новости, 2007, 31 октября. Решение Молотовского облисполкома от 12.04.1957 г. №166 «б».
6. ГАПК. Ф.р-1366. Оп.1. Д.724. Л.2.
ГАРФ. Ф.р-9479. Оп.1. Д.558. Л.18.
ГАРФ. Ф.р-9479. Оп.1. Д.562. Л.146.
Архив ИЦ ГУВД по Пермскому краю. Ф.21. Оп.2. Д.6. Л.6.
7. Воспоминания Нионины Исаковны Батуро. Киреевские чтения. Вып.10
8. Газета «Совет» 30 октября, 1998 год «Ко дню жертв политических репрессий»
9. Личный архив семьи Фроловых (Любови Николаевны Нелиной)

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

**Прокуратура
Пермской области**

614600, г. Пермь, ГСП, ул. Луначарского, 60

Пермская область,
Горнозаводский район,
ст. Вижай,
ул. Красноармейская, 24
Нелиной К.Е.

4.04.90г. № 13/280-90

Сообщаю, что Ваше заявление, в котором Вы сообщаете о репрессиях Нелина Николая Егоровича, 1910 года рождения и Нелина Егора Ивановича, 1882 года рождения, прокуратурой области проверено.

Из уголовных дел на этих лиц видно, что оба они необоснованно были арестованы 31 декабря 1937г.

Но материалы дела свидетельствуют и о том, что следствие против Нелина Н.Е. было прекращено с полной его реабилитацией 25 февраля 1939г. Справка о реабилитации по личной просьбе ему вручена 11 июня 1964г. для получения льгот.

Нелин Е.И. был освобожден из-под стражи по реабилитирующим основаниям 25 декабря 1938г.

Справка о реабилитации ему тоже по личной просьбе выдана 29 мая 1959г. для получения льгот.

В заявлении Вы неверно указываете то, что после ареста их увезли неизвестно куда. Из их личных заявлений, имеющихся в деле видно, что Нелин Е.И. в 1959г. проживал в г.Чусовом, по ул.Попов 89-2, а Нелин Н.Е. в 1964г. проживал в пос.Вижай по ул.Октябрьская 7.

Старший помощник
прокурора области
советник юстиции

А.С.Уткин

МВД России

УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР

614600, г. Пермь, ГСП 597
Комсомольский проспект, 74

15 мая 1997 г.
№ 10/3
на № 2585737 от 7.4.1997

618840 Пермская область
Горнозаводский р-н, ст. Вижай
ул. 8 Марта, 3
Фроловой Л.Н.

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

14 мая 1997 г.

гор. Пермь

НЕЛИНА ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА

Год и место рождения 1942 г.р. Пермская область

Место жительства до применения репрессии

жила на спецпоселении

Когда и каким органом репрессирован

отец - НЕЛИН Николай Егорович, 1910 г.р. был выслан в 1930 году

из Миллеровского р-на Ростовской области и направлен на спецпосе-
ление в Пермскую область по решению административных органов.

Находился на спецпоселении в Пермской области по 1947 год.

Основание применения репрессии по политическим мотивам в административном порядке

Постановление ЦИК и СНК СССР от 1.2.1930 года

Находился(лась) на спецпоселении в Пермской области

с 1942 г. по 1947 г.

Справка составлена по архивным материалам

архивное дело № 5301/4 УВД Пермской области

ст. 1.1
На основании пункта в ст. 3 Закона России от 18 октября 1991 года "О реабилитации

жертв политических репрессий" гр-н(ка)

НЕЛИНА ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА

РЕАБИЛИТИРОВАН(А).

Начальник

Р.Р. Абдрахманов

Справка выдается один раз, пользоваться копиями.

ВЛОМЕНТБОВ

1996—1994